

РОССИЯ В ЗАПАДНОЙ НАУКЕ *RUSSIA IN THE WESTERN SCIENCE*

Восточноевропейские исследования и политика в Германии

Х.-Х. ШРЁДЕР*

* Шрёдер Ханс-Хеннинг – доктор исторических наук, бывший руководитель восточноевропейского департамента, Stiftung Wissenschaft und Politik, профессор, Osteuropa Institut der FU Berlin. Адрес: D-28203 Bremen, Horner Strasse 12, Germany. E-mail: hhs@zedat.fu-berlin.de

Отношения с Россией для немецкой политики всегда имели большое значение. Поэтому не удивительно, что исследователи в Германии давно начали систематически заниматься Россией и Восточной Европой. Академическое изучение Восточной Европы (*Osteuropaforschung*) было институционализировано в конце XIX в., и с тех пор оно постоянно было связано с политикой. Во время Веймарской республики часть исследований послужила легитимизации антипольских тенденций, существовавших в немецкой политике того времени; во время Третьего рейха ряд ученых содействовали нацистской расовой политике и политике уничтожения. После 1945 г. в западной Германии произошла переориентация восточноевропейских исследований (*Osteuropaforschung*). Во время холодной войны исследования щедро поддерживались правительством. В этот период они обладали “монополией толкования” происходящего в СССР и других странах Восточного блока, но распада “социалистического лагеря” и краха Советского Союза они так и не предвидели. В результате этих событий традиционные восточноевропейские исследования потеряли свой привычный предмет изучения. К новой ситуации в Восточной Европе, где происходил переход к рыночной экономике и плюралистской политической системе, восточноевропейские исследования оказались не готовы. Главным предметом изучения стало исследование переходных процессов. Урезалось финансирование восточноевропейских исследований, закрывались специализированные институты, сократилась численность научных сотрудников. Однако оставшиеся специалисты по Восточной Европе в отличие от их коллег из “транзитологии” и количественных исследований владели и соответствующими языками, и знаниями о странах и регионе, которые позволяли точно проанализировать процессы, происходящие в регионе Восточной Европы. Так, традиционное *Osteuropaforschung* превратилось в региональные исследования (*area studies*).

Ключевые слова: исследования Восточной Европы, региональные исследования, исследования трансформации, германо-российские отношения, научное консультирование по вопросам политики, крах социалистического лагеря.

DOI: 10.31857/S086904990010750-7

Цитирование: Шрёдер Х.-Х. (2020) Восточноевропейские исследования и политика в Германии // Общественные науки и современность. № 4. С. 41–61. DOI: 10.31857/S086904990010750-7

Статья написана специально для журнала “Общественные науки и современность”. Перевод с английского выполнен И.В.Борисовой, научным сотрудником Института философии РАН.

East European Studies and Politics in Germany

HANS-H. SCHRÖDER*

***Hans-Henning Schröder** — Dr. phil. habil, former Head of the East European Department, Stiftung Wissenschaft und Politik, and Adjunct Professor, Osteuropa Institut der FU Berlin. Address: D-28203 Bremen, Horner Strasse 12, Germany. E-mail: hhs@zedat.fu-berlin.de

Abstract. Relations with Russia were always of importance for German policy. Thus, it is not surprising that the systematic study of Russia and Eastern Europe began early on in Germany. East European studies developed as a field of academic inquiry towards the end of the 19th century and were always closely tied to the political sphere. In the period of the Weimar Republic, a portion of East European studies sought to legitimize anti-Polish tendencies in German policy; during the Third Reich, many of the scholars in the field put themselves in the service of the National Socialist regime, providing support for its conduct of the war, occupation regimes and policy of annihilation.

There was a reorientation of East European studies after 1945. During the years of the “Cold War,” East European studies in Western Germany were generously funded by the Federal Government, and enjoyed a de-facto interpretation monopoly in the analysis of processes underway in the USSR and the “Eastern Bloc” in this phase. However, researchers in the field failed to foresee the dissolution of the “socialist camp” and the break-up of the Soviet Union, and in conjunction with this, traditional East European studies lost the ground beneath its feet. The field was ill prepared for the new situation in Eastern Europe – the transition to a free market and a pluralistic system. In these years, it was transition studies that took the center stage, while East European studies saw funding slashed, departments closed and jobs cut. However, scholars of East European studies possessed an expertise in the languages and countries involved that their colleagues in transitology and quantitative research lacked, and this expertise enabled them to engage in the precise analysis of processes in the region of Eastern Europe. Thus, traditional East European studies evolved into area studies.

Keywords: East European Studies, area studies, Transitology, German-russian relations, political consulting, collapse of socialism.

DOI: 10.31857/S086904990010750-7

Citation: Schröder H.-H. (2020) East European Studies and Politics in Germany. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 41–61. DOI: 10.31857/S086904990010750-7 (In Russ).

Знание о “соседях на Востоке”

Россия имеет связи с Германией, которые сформировались в ходе долгой и трудной истории. Россия была и союзником Германии, и ее врагом в военное время. В XX в. Германский рейх развернул расовую и идеологическую войну на уничтожение против Советского Союза и его населения, которая стоила миллионов человеческих жизней. В годы холодной войны Советский Союз был для разделенной Германии одновременно и доминирующим союзником, и величайшей угрозой. Именно СССР сделал возможным объединение Германии в 1989 г., и Россия в последующие годы всегда оставалась важным фактором в немецкой и европейской политике.

Едва ли удивительно, поэтому, что знания о России и ее политике издавна были весьма востребованы в немецкой политической сфере. Немецкие публицисты и политики изучали соседнюю страну с XVIII столетия, а в конце XIX в. экспертные знания о России при поддержке государства обрели место в университетах. После Первой мировой войны распались многонациональные империи и образовались многочисленные новые государства, а пространство, которое изучалось этой исследовательской областью, расширилось и ох-

ватило весь регион Восточной Европы. В Германии восточноевропейские исследования (*Osteuropaforschung*) превратились в специальную сферу знания, которая была тесно связана с политикой.

В данной статье описывается становление восточноевропейских исследований в Германии, их возникновение как научной области в поле взаимодействия науки и политики, то, как они использовались на разных этапах истории Германии. Прослеживается путь, на котором восточноевропейские исследования преобразовались из “*Landeskunde*” (региональной географии) Восточной Европы в “*Ostforschung*” (“Остфоршунг” дословно – “исследование Востока”). Сегодня научное изучение Восточной Европы развивается в качестве региональных исследований, опирающихся на социальные науки.

Восточноевропейские исследования в Германии до 1945 года

Уже в конце XIX – начале XX в. мнение, что Германия терпит ущерб из-за отсутствия существенных знаний о Российской империи, послужило главным доводом в пользу возведения изучения Восточной Европы (тогда это было главным образом изучение России) в статус академической дисциплины. Именно Министерство иностранных дел Германии добилося создания доцентуры (*Extraordinariat*) по восточноевропейской истории и географии в Берлинском университете. Эту новую позицию, учрежденную в 1892 г., занял историк и публицист из балтийских немцев Т. Шиман [*Kuebart* 1980, p. 659; *Burleigh* 1988, p. 14; *Meyer* 1956; *Dahlmann* 2005]. В октябре 1900 г. Шиман предложил преобразовать доцентуру в профессиру и призвал к расширению изучения России и русского языка в других университетах и образовательных заведениях. В качестве аргумента он указал на международную роль России: “Едва ли нужно доказывать, сколь огромное значение стала иметь для нас Россия с ее постоянно укрепляющимся положением в мире” (цит. по [*Voigt* 1994, p. 330]). Коллеги Шимана скептически восприняли его инициативу, что было связано, вероятно, с его личностью [*Voigt* 1994, pp. 332–335]. Тем не менее Шиман пользовался достаточно сильной политической поддержкой, и в 1902 г. в Берлинском университете был организован семинар по истории Восточной Европы. Кафедра была учреждена в 1906 г. [*Kuebart* 1980, p. 659; *Chickering* 2005, p. 11f.; *Troebst* 2013, p. 56f.]. Создание Берлинского семинара по истории Восточной Европы было политическим вопросом, а руководивший им Шиман имел собственные политические интересы и считал себя политическим игроком. О. Хёч, который был назначен доцентом (1913 г.) и стал профессором (1920 г.), наряду с К. Штелином, был еще одним берлинским ученым, сочетавшим научную работу с политической деятельностью: он был депутатом Рейхстага (1920–1930) от Немецкой национальной народной партии¹.

С самого начала, таким образом, область восточноевропейских исследований осознавала свой политический характер, была взята на службу политических соображений. Однако в годы Веймарской республики усилился академический характер исследований. Тогда были созданы дополнительные кафедры, началось более глубокое изучение исторического развития региона, расширилась область славянской филологии. И все же восточноевропейские исследования всегда были зажаты между политикой и наукой. Тесные связи с политической сферой оставили отпечаток на этой области исследования. Многие специалисты по Восточной Европе играли политически неоднозначную роль, стремясь легитимировать научными знаниями претензии Германии на части территорий Польши и Чехословацкой республики. Например, они осуществляли исследования по “*Deutschtum*

¹ Основанная в 1918 г. Немецкая Национальная народная партия (*Deutsch-Nationale Volkspartei* – DNVP), – национально-консервативная партия, которая на последнем этапе существования Веймарской республики сотрудничала с Немецкой Национал-социалистической рабочей партией (NSDAP). DNVP прекратила свое существование в 1933 г.

im Osten” (“немецкости на Востоке”)² и немецкой “культурной почве” (*Kulturboden*), которые были направлены против вновь образовавшегося польского государства. Другие ученые, например, Хёч, который возглавлял кафедру истории Восточной Европы в Берлинском университете и основал Германскую ассоциацию по исследованиям Восточной Европы (*Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde*; DGO), пытался, следуя духу Рапалло, наладить контакты с советскими коллегами.

Экономическая, политическая и идеологическая жизнь СССР активно изучалась в Берлине. В международном раскладе немецкая наука на этом этапе занимала лидирующие позиции: ни в одной другой стране изучение процессов, происходивших в регионе к востоку от Германского рейха, не продвигалось столь целенаправленно. Когда осенью 1929 г. Государственный департамент США пожелал подготовить молодого Дж. Ф. Кеннана к работе в американском посольстве в Москве, первое, что он сделал, – послал его в Берлин изучать русскую историю и литературу [Kennan 1983, p. 40ff.].

“Захват власти” (*Machtergreifung*) нацистами в январе 1933 г. имел последствия для восточноевропейских исследований, как и многих других областей. Ученые были смещены с должностей: Хёча как политически нежелательную персону отправили в отставку, а Р. Заломона, профессора истории Восточной Европы в Гамбурге, уволили как еврея. Он сумел вовремя эмигрировать. В то же время поощрялись исследователи, осуществляющие *Volkstumsforschung* (исследование немецкой народности)³, направленные против поляков, и открылись возможности академического продвижения для поколения молодых историков, таких как Т. Шидер, Г. Аубин и В. Конце, которым затем предстояло сыграть определенную роль в Федеративной Республике Германии. Под влиянием нацистской политики главные темы исследований в этой области изменились: выдвинулись вперед проблемы *Volkstumspolitik* и “жизненного пространства” (*Lebensraum*). Когда началась Вторая мировая война, специалисты по Восточной Европе участвовали в преступлениях режима: они предоставляли научное обоснование для ведения войны, оккупационных режимов и политики уничтожения [Burleigh 1988; Kuebart 1980, p. 668f.; Philipp 1983, pp. 286–302; Camphausen 1990; Haar 1999; Burkert 2000; Geyer 2001; Mühle 2001; Schulze, Oexle 1999, pp. 163–273; Kleßmann 1986, pp. 350–382; Rössler 1990].

“Советология”: восточноевропейские исследования во время “холодной войны”

Поражение 1945 г. и раздел Германии оказали большое влияние на развитие восточноевропейских исследований в последующие десятилетия. В той части Германии, в которой была создана ГДР, восприятие Советского Союза складывалось в совершенно иных условиях, чем в западных оккупационных зонах/ Западной Германии. Связи Восточной Германии с государствами Восточной Европы были гораздо более тесными, а практические знания о них – гораздо более серьезными. Однако, хотя Восточная Европа не осталась без внимания в ГДР, она не стала здесь отдельной темой научного интереса. В отличие от этого, ученые в западной части Германии продолжали анализировать процессы, происходившие в Восточной Европе. Исследования в этой области

² См. также ниже примечание о *Volkstumsforschung*.

³ *Volkstumsforschung* и *Volkstumspolitik* (соответственно, исследование и политика немецкой народности) проводились в эпоху Веймарской республики в ответ на то, как были проведены границы в соответствии с договорами, получившими свои названия от парижских окраин, – Версальский, Сен-Жерменский, Трианонский. Все германские правительства стремились к пересмотру этих границ и проводили политику, называвшуюся *Volkstumspolitik*, которая должна была поддерживать в немецких меньшинствах других стран оппозиционный дух в отношении их правительств. Многие исследователи Восточной Европы содействовали этим усилиям своей научной работой, известной как *Volkstumsforschung*. Нацисты подхватили эти тенденции и стремились к инкорпорации групп немецкой народности, “*Volksgruppen*”, в германскую империю. Эти “*Umvolkungspläne*” (планы “народного преобразования”) предполагали геноцид евреев и славянского населения.

возобновились на той же точке, где остановились в предвоенные годы, если иметь в виду их интеллектуальное содержание и конкретных участников. Тем не менее сам характер изучения Восточной Европы действительно изменился, что отражало изменившиеся политические обстоятельства. *Volkstumsforschung* уже не находились в центре внимания. Тот факт, что государства Восточной Европы были теперь частью “восточного блока”, или “социалистического лагеря”, заставил ученых сосредоточиться скорее на идеологии, на внутренних механизмах и экономическом устройстве этих систем.

Правительство Западной Германии щедро финансировало такого рода исследования, рассчитывая на их вклад в практическую политику [Anweiler 1980, p. 683; Buchholz 1980, pp. 688–704]. Германская ассоциация по исследованиям Восточной Европы возобновила работу в Штутгарте в 1949 г. [Eicke 1980, p. 929]. В 1951 г. в Гёттингене была создана исследовательская группа – Рабочая группа по изучению Восточной Европы, позднее она переместилась в Тюбинген [Buchholz 1980, p. 690; Geyer 1999, p. 129ff.]. Был основан Институт восточноевропейских исследований при Свободном университете Берлина (1951 г.), еще один – в Мюнхенском университете (1952 г.). Далее, в 1961 г. был учрежден Федеральный институт изучения марксизма-ленинизма (Институт советологии) при Федеральном министерстве внутренних дел. В 1966 г. в результате переименования он стал “Федеральным институтом восточноевропейских и международных исследований” (Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien, BIOst) [Buchholz 1980, p. 692f.; Brahm 2005]. Возросло количество университетских кафедр, специализирующихся по Восточной Европе, как и соответствующих образовательных программ.

В 1990 г. историю Восточной Европы можно было изучать в 25 западногерманских университетах [Oberländer 1992, p. 35]. Инвентаризация восточноевропейских исследований в Германии перед Всемирным конгрессом [DGO/ICSEES] (Гармиш, 1980 г.) насчитала еще 25 университетских институтов славянской филологии. К ним надо добавить не менее пяти учреждений высшего образования, где преподавалось право Восточной Европы, еще 10 заведений, где можно было изучать восточноевропейскую экономику и сельское хозяйство, и еще три – где изучали педагогическую науку Восточной Европы. Наконец, и это главное, в крупных университетских институтах, специализирующихся на Восточной Европе, изучались также различные аспекты политологии, социологии и философии⁴.

Щедрое финансирование восточноевропейских исследований государством и поддержка со стороны политических структур были чреватой зависимостью ученых от политиков. Это произошло не во всех исследовательских областях. В университетах, особенно в отношении предметов, не связанных прямо с политическими вопросами, ученые ориентировались на дискурсы своих дисциплин (истории, литературы, географии и т.д.) и при разработке своих исследовательских проектов исходили из их контекста. Однако исследователи, которые работали над современными проблемами, находились в поле, заряженном трениями между политикой и наукой. Прекрасно понимая, что их работа подчинена правилам науки, а не требованиям политиков [Buchholz 1980, p. 699], они все же должны были иметь дело с ожиданиями тех, кто их финансировал. Тем не менее большинство исследователей стремились сохранить профессиональную независимость. Многолетний вице-президент DGO и всемирно признанный исследователь в области образования О. Анвайлер осторожно описывал положение восточноевропейских исследований: они обретаются “вблизи от политики, но не на ее буксирном тросе”. Хотя специалисты по Восточной Европе имели “самоответственную научную задачу”, надо признать, полагал Анвайлер, что поддержка практической политики и гражданское образование рассматривались как легитимная задача и ответственность науки [Anweiler 1980,

⁴ См.: Osteuropa. 1980. Vol. 30(8/9), S. 705–920.

р. 673]. То, с какой тщательностью Анвайлер подбирает слова, показывает, сколь коварны воды, в которых должны были ориентироваться эти исследователи. Сосредоточенность на идеологии и практиках советской системы определяла уникальное положение восточно-европейских исследований в научном мире ФРГ. Специалисты в этой области не играли главной роли в методологических поисках социальных и экономических наук – ведь предмет их исследований был слишком далек от предметов других областей.

Непредсказуемое событие – распад “Восточного блока”

В 1970–1980-х гг. восточноевропейские исследования пользовались в ФРГ широкой базой и прочным положением в публичном дискурсе. Однако события 1989 и 1991 гг., распад сначала “социалистического лагеря” и потом Советского Союза, стали неожиданностью для большинства исследователей. Они предвидели эти изменения ничуть не в большей степени, чем политики и журналисты, занимавшиеся Восточной Европой. Большинство исследователей не могло помыслить и вообразить, что система идей и правления, которая формировала политические утопии и представления о социальных порядках по всему миру и была решающим фактором в международных отношениях власти в XX в., просто рухнет.

Британский политолог М. Кокс, глубокий знаток эпохи холодной войны, воспринял неспособность восточноевропейских исследований распознать радикальные процессы, происходившие перед крахом социалистического лагеря, как повод для резкой критики: “Я высказал тезис, что провал в предсказании конца холодной войны стал результатом общего ущербного понимания Советского Союза. Чтобы пояснить свою мысль, я сосредоточился на совокупности исследований, известных как советология, Кремлелогия или, проще, советские исследования, *Soviet Studies*... Это не значит, что изучавшие СССР не знали о его дефектах и были слепы к тому, что система охвачена кризисом. Но большинство комментаторов не признавало и не предвидело, что эти дефекты и проблемы в итоге приведут к концу советской власти. Не приходилось ожидать, учитывая их концепции, что они сделают этот вывод. То, как они понимали советскую действительность, в сущности, помешало им предвидеть советский крах” [Cox 2008, p. 11f].

Кокс критиковал специалистов по Восточной Европе всех мастей: тех, кто подписались под тезисом о тоталитаризме; тех, кто, по его мнению, переоценили способность режима удерживать контроль [Cox 2008, p. 6]; а также “ревизионистов”, которые отрицали тоталитарную модель и полагали, что режим способен адаптироваться [Cox 2008, p. 7f]. Особенно сурово он критиковал специалистов по Восточной Европе за их восприятие М.Горбачева, обвиняя их в “горбимании”, которая сделала их слепыми к тому, что в действительности происходило: “Все думали, что Горбачев обновляет Советский Союз; на самом деле совокупность изменений, которые он воплощал в жизнь, ускорила его упадок и распад. Однако немногие, казалось, понимали этот факт; мало кто говорил об этом; и когда наконец это поняли, было поздно. Обрадовавшись новому человеку в Кремле, большинство, похоже, полагало (пока не стало очевидно в 1990 г., что система разрушается), что Горбачев вдохнет новую жизнь в Советский Союз. Значит, наблюдатели проигнорировали или не смогли понять то, что на самом деле происходило: что за фасадом сверхдержавы с саммитами и новым сердечным согласием между Востоком и Западом страна и ее экономика взрывались” [Cox 2008, p. 10].

Британский политолог Э. Бэкон обсуждает эту критику в статье о прогностической способности восточноевропейских исследований [Bacon 2012, p. 1168ff.]. Он подчеркивает, что точное предсказание развития сложных социальных систем сталкивается с серьезными методологическими и теоретическими трудностями, и отмечает, что изучение Советского Союза обычно ориентировалось на описательный подход и плохо вписывалось в развитие теоретических концептов [Bacon 2012, p. 1170f.]. В этом контексте он выявляет

заблуждения как сторонников концепции тоталитарного общества, так и представителей “ревизионистской” школы. Бэкон говорит, что хотя большинство ученых, которые придерживались “тоталитарного” подхода к описанию советской системы, выработавшегося в 1950-х гг., полагали, что Советский Союз долго не протянет, они не думали, что он обречен на крах в обозримом будущем. “Ревизионистский” же подход, который стал популярным в восточноевропейских исследованиях в 1970-х гг., предполагал, что политическая система Восточного блока способна развиваться и приспосабливаться, что возможна конвергенция систем. В этом контексте, по мнению Бэкона, крах Советского Союза фактически уже не был предметом серьезного обсуждения [Bacon 2012, p. 1174f.]. В итоге ни одна из двух школ не предсказала ход событий правильно: «Однако справедливый скептицизм относительно “правильных” предсказаний ведет к более нюансированным выводам. Хотя “тоталитарная школа” была в целом права относительно неспособности советской системы к реформированию, раз уж Советский Союз рухнул, катализатором краха была попытка серьезной реформы, предпринятая Коммунистической партией Советского Союза, такой реформы, которую аналитики тоталитарной школы считали невозможной. Больше того, крах, когда он произошел, был преимущественно мирным, и коммунистическое руководство смирилось с ним очевидно цивилизованным образом. Он не повлек апокалиптической войны или революции, но произошел в основном путем мирного протеста, конституционных механизмов и выборов. Такой результат отчасти соответствовал прогнозам “ревизионистской школы”, которая склонялась к тому, что самым вероятным сценарием была мирная конвергенция Востока и Запада» [Bacon 2012, p. 1175].

Среди причин этой предсказательной неадекватности, названных Бэконом, – предвзятые мнения и отсутствие воображения, а также недостаточно разработанные методологические подходы. К. фон Байме выдвинул сходный аргумент в 2001 г. Рассмотрев проблемы, которые исследователи Восточной Европы во всем мире выбирали для изучения до событий 1989–1991 гг., Байме подверг критике отсутствие их интеграции в сравнительное исследование систем. Однако он не считал это причиной коллективной неудачи в деле правильной оценки ситуации, подчеркивая, что сравнительное исследование систем тоже не смогло предвосхитить процессы в “социалистическом лагере”. Скорее, Байме видел объяснение в “позитивистском принятии всего существующего”, которое даже не рассматривает возможности фундаментального изменения систем [Beume 2001, p. 13]. Это похоже на аргумент П. Ратленда, говорящий о «“групповом мышлении” (groupthink), которое подавляло воображение и поощряло убеждение в непрерывности настоящего»⁵ [Cox 2012, p. 1174].

Помимо вопроса об индивидуальных неудачах, возникает и более фундаментальный вопрос – о способности социальных наук предсказывать социальные, экономические и политические процессы. Некоторые социологи, например Р. Майнц и В.Штреек, который сменил ее на посту директора Института изучения общества (Общества Макса Планка), назвали серьезные причины усомниться в ней. Так, Майнц утверждает: «Первая, решающая причина недостаточной способности социальных наук предсказывать заключается в том, что лишь часть “происходящего” попадает в их поле зрения. То, что на самом деле происходит, определяется, впрочем, весьма многочисленными факторами – биографическими, климатическими, генетическими, физиологическими и т.д. – которые социолог неизбежно должен оставить [за рамками анализа]. [...] Есть и другие особенности предмета познания в социальных науках, благодаря которым исторические события снова и снова удивляют... например, нелинейная и рекурсивная природа многих социальных процессов. Хотя нелинейные и рекурсивные процессы, самовозобновляющиеся

⁵ Исходя из своего опыта, я могу поддержать утверждения Байме и Ратленда о заикленности на существующих структурах: даже уже в середине 1989 г. мне самому и в голову не приходило (а я ведь тогда изучал советскую политику безопасности и вооружения), что Организация Варшавского договора может разрушиться. Идея коллапса Советского Союза была для меня невообразима.

или самоблокирующиеся, следуют логике, которую в общем можно сформулировать, но в конкретных случаях ход таких процессов зависит от слишком многих обстоятельств и на практике не может быть предсказан. [...] Ограниченная способность предсказывать не означает, однако, что мы неспособны высказывать общие суждения об исторически сформировавшихся макрофеноменах» [Mayntz 2009, p. 22f.].

Региональные исследования открыто стремятся соединить идеи, почерпнутые в разных дисциплинах, в более широком анализе, а значит, первый аргумент Майнц к ним неприемлем. Однако “нелинейность” и “рекурсивность” исторических процессов, о которых она сказала, характерны и для явлений, анализируемых в региональных исследованиях. Таким образом, можно утверждать, что они находятся в столь же незавидном положении, что и социальные науки в целом, и не могут формулировать надежные суждения о будущих событиях, включая распад “социалистического лагеря” именно в какой-то определенный момент.

Однако не следует думать, что этот общий вывод оправдывает ошибки, возникающие из-за аналитических упущений, политической или идеологической пристрастности, принятия желаемого за действительное, умственной лени или нежелания выходить за границы дискурса собственной научной области. Нынешнее поколение специалистов по Восточной Европе должно извлечь урок из прошлого и обдумать ошибочные оценки прошлого, осознавая при этом ограниченность знания.

Неспособность восточноевропейских исследований предсказать крах социализма бросила тень сомнения на их способность вырабатывать политические рекомендации в отношении будущего. Поэтому ученые искали методы, которые позволили бы им получать информацию о будущих событиях. Многие сочли подходящим методом сценарный анализ. Бэкон заметил в 2012 г.: “С того времени [1989–1991 гг.] сценарный анализ стал ведущим подходом в исследовании, направленном на будущее России, и на Западе, и в самой России, и начал широко использоваться в отношении других стран, регионов и проблем” [Bacon 2012, p. 1165ff.].

Восточноевропейские исследования после “Восточного блока”: “Когда вы потеряли своего лучшего врага”

Крах “социалистического лагеря” и окончание конфликта между Востоком и Западом изменили мир и политическое мышление. С провалом социализма – исторической альтернативы капитализму, стало казаться, что концепция “либеральной демократии” взяла верх раз и навсегда. Ф. Фукуяма, опираясь на Гегеля, заявил о “конце истории” и предложил телеологическое понимание развития, которое преодолевает марксизм и фашизм и завершается “повсеместным распространением западной либеральной демократии как финальной формы человеческого правления” [Fukuyama 1989, p. 4; Fukuyama 1992]. Не он один преувеличил историческое значение “либерализма”. Но он задал тон идеологического сдвига, которому предстояло играть главную роль в ближайшие годы как в политической деятельности, так и в развитии анализа в социальной науке. В экономических науках мнение, что рынок определил все и скорректирует всякое отклонение от оптимума, погружало в тень все альтернативные подходы. Идея государственной социальной политики и концепты вроде *Tarifpartnerschaft* (партнерство между профсоюзами и нанимателями в обсуждении тарифной сетки) казались столь безнадежно старомодными, что от них отвернулись даже социал-демократические партии. Идея о демократии как конечной цели всякого политического развития возобладала в политологии до такой степени, что политологи, вырабатывая инструменты для измерения прогресса в движении к демократии, не всегда анализировали общественные силы, которые действительно влияли на процессы в бывшем “Восточном блоке”, и не всегда исследовали, как исторические процессы влияют

на формирование институтов, которые, в свою очередь, воздействуют на исторические процессы. Поэтому перекосы в развитии и авторитарные процессы в этих обществах стали изучаться с опозданием, несмотря на опыты исследования “модернизации” традиционных обществ 1960-х гг., которые, казалось, были забыты [Eisenstadt 1973; Eisenstadt 1998].

Радикальные перемены в международном порядке и изменения в экономических и социальных науках имели прямые последствия для восточноевропейских исследований. Специалисты в этой области столкнулись с трудной задачей – зафиксировать и проанализировать политические и социальные процессы, которые в корне изменили общества бывшего “Восточного блока”. Подходы Фукуямы не могли направить их в нужное русло. Но традиционные подходы восточноевропейских исследований тоже оказались бесполезными, потому что с распадом “социалистического лагеря” исследователи утратили то, что прежде составляло предмет их изучения. Исчезновение Советского Союза и “народных демократий”, а также Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи отправили в небытие целые исследовательские области – и восточноевропейским исследованиям предстояло переориентироваться в отношении предмета изучения и методологии.

А) Центральным направлением восточноевропейских исследований после 1945 г. было критическое изучение марксистско-ленинской идеологии. Наиболее влиятельные западные работы в этой области появились в 1950–1960-х гг. [Wetter 1952; Dahm 1963; Wetter 1965; Leonhard 1965; Dahm 1982; Dahm, Blakeley, Kline 1987]. Советская идеология впоследствии почти не изменилась, являя собой разительную противоположность живым спорам о К.Марксе и марксизме, которые шли в западном мире после 1968 г. Поэтому никаких подлинно новых работ о развитии советской идеологии в 1970–1980-х гг. не появилось. В то же время можно было наблюдать новые подходы в коммунистических партиях Западной Европы. Концепция еврокоммунизма, выработанная в эти десятилетия в Италии и Франции, стала предметом исследования для специалистов по Восточной Европе [Timmermann 1978]. Однако вопрос об идеологии с распадом “социалистического лагеря” утратил политическую актуальность и стал лишь историческим.

В) Многие годы концепция тоталитаризма служила преобладающим подходом в объяснении функционирования системы советского типа. Первоначально она была разработана как путь к пониманию авторитарных режимов, которые использовали насилие для упрочения своего правления и возникли в Германском рейхе и Советском Союзе в 1930-х гг. Этот подход получил фундаментальное теоретическое осмысление в работе Х. Арендт о тоталитаризме, где в центре анализа были массовый террор и имперская экспансия [Arendt 1991; Seidel, Jenkner 1968]. Ее интерпретация была переосмыслена в начале 1950-х гг., когда К. Фридрих и З. Бжезинский предложили определение тоталитаризма, которое позволяло применить этот термин к Советскому Союзу и всем государствам советского блока даже после эпохи сталинизма [Friedrich, Brzezinski 1965]. Их понимание термина было воспринято потом другими авторами, хотя и не всеми [Schapiro 1972; Tucker 1972]. В 1970–1980-х гг. новое поколение ученых бросило вызов использованию концепции тоталитаризма для интерпретации событий в Советском Союзе [Fitzpatrick 1986^a; Kenéz 1986; Meyer 1986; Fitzpatrick 1986^b; Viola 1987; Schröder 1996]. И фактически с того времени это понятие перестало играть сколько-нибудь реальную роль в западных исследованиях. Оно не появлялось на горизонте до последних лет существования СССР, когда советские обществоведы открыли для себя этот термин и применили его для интерпретации собственной истории [Igrickij 1990; Sacharov 1991; Gadžiev 1992; Igrickij 1993^a; Igrickij 1993^b; Pivovarov 1993; Raškovskij 1993; Rjabov 1993]. Концепция тоталитаризма явно не могла применяться для объяснения процессов, происходивших в Восточной Европе, и исследователи, изучающие современную Восточную Европу, перестали ссылаться на нее.

С) Анализируя политическую систему, исследователи советского блока фокусировались прежде всего на модели однопартийной диктатуры и ее функционировании [Fainsod

1963; Hough, Fainsod 1979]. Такого подхода они придерживались при анализе политических событий в эпохи Н.Хрущева и Л.Брежнева [Boettcher, Lieber, Meissner 1966; Meissner 1966; Meissner, Brunner, Löwenthal 1978; Meissner 1985]. С распадом Советского Союза внутреннее устройство “социалистических” государств изменилось. КПСС (и аналоги в “братских странах”) утратила свою монополию. Модель однопартийной диктатуры уже не годилась для объяснения текущей политики и использовалась, поэтому, только для анализа исторических процессов.

Д) Плановая экономика была еще одной важной исследовательской областью для специалистов по Восточной Европе. Введение пятилетнего цикла планирования в Советском Союзе в конце 1920-х гг. и развитие соответствующих экономических практик во всех государствах советской сферы влияния привели исследователей к широкому изучению теории и практики этой формы хозяйствования [Raupach 1964; Markert 1965; Nove 1972; Nove 1977; Nove 1980; Höhmann, Nove, Vogel 1986]. В 1980-х гг. работы Я. Корнаи, особенно его исследования по “экономике дефицита” и, позднее, анализ социалистической системы как целого, дали новый импульс критическому изучению плановых экономик [Kornai 1980; Kornai 1995]. Демонтаж плановых экономик и переход к рынку в большинстве бывших социалистических стран отправили в архив и эту область исследования.

Е) Специфическая “социалистическая правовая система” тоже отпала. Поэтому бесчисленные труды в области “Ostrecht” (“Восточного права”), посвященные развитию правовой и конституционной системы в Восточном блоке, теперь имеют лишь историческое значение [Boettcher, Lieber, Meissner 1966, pp. 141–171; Berman 1963; Meder 1971; Feldbrugge 1973; Juviler 1976; Schroeder, Meissner 1978; Meissner 1980; Brunner, Schweisfurth, Uschakow 1985; Schroeder 1992].

Ф) Эпоха Горбачева с ее подходами к реформированию экономической, социальной и политической реальностей вдохнула новые силы в восточноевропейские исследования после 1985–1986 гг. На этом этапе вышло много ценных исследований, содержавших анализ системных изменений в Советском Союзе и в основном оценивавших их как благотворные [Aslund 1989; Balzer 1991; Beyme 1989; Conert 1990; Hewett 1988; Hough 1988; Hough 1997; McCauley 1990; Meissner 1988; Mommsen, Schröder 1987; Sakwa 1990; Segbers 1989; Simon, Simon 1993; White 1990; Beyme 2001]. Доступность информации, существенно возросшая благодаря политике гласности, позволила исследователям создать гораздо более полную картину функционирования государства, экономики и политики. Впервые стали доступны данные исследования общественного мнения. Кроме того, советские социологи постепенно освобождались от патерналистского контроля со стороны партии и государства и становились важными партнерами по дискурсу. Исчезновение Советского Союза в конце 1991 г. сделало не нужным анализ функционирования политической системы эпохи перестройки; хотя именно на этом этапе было заложено основание для более точного и информированного изучения того, что стало теперь “постсоветским” регионом.

Для специалистов по Восточной Европе, которые изучали современные процессы, потеря всех этих исследовательских областей была чрезвычайно важным водоразделом: она знаменовала полный разрыв с образом мыслей и структурами, которые сформировались в Западной Германии после 1945 г. Кафедры и институты, нацеленные на изучение плановой экономики, тоталитаризма, однопартийной диктатуры, марксизма-ленинизма и права Восточной Европы, разом сделались не нужными. Многие кафедры были закрыты или переориентированы в 1990-х гг.

Для специалистов по Восточной Европе изменения в их предмете, пусть и крайне существенные, были не единственным последствием краха “социалистического лагеря” и исчезновения системы правления советского типа. Они повлияли и на их финансирование: с переменами в Восточной Европе образ врага, существовавшего в политике и обществе, потерял силу, а с ним и ощущение угрозы с коммунистического “Востока”.

Бюджет институтов восточноевропейских исследований, которые финансировались государством, был существенно урезан, а многочисленные кафедры в университетах были перепрофилированы. Например, Федеральный институт восточноевропейских и международных исследований в Кёльне и Отдел современных исследований Института Южной Восточной Европы в Мюнхене были расформированы, а Институт восточноевропейских исследований при Свободном университете в Берлине существенно сокращен [Sapper 2012]. Немецкие восточноевропейские исследования, “утратившие лучшего врага”, столкнулись с финансовыми и организационными последствиями [Powell 1996, p. 422].

В меньшей степени перемены в Восточной Европе отразились на областях истории, славянской филологии и географии. Они не утратили своего предмета, а по сути – выиграла от более свободного дискуссионного климата в странах, которые они изучали, и быстро развившегося научного обмена.

Изменение пространственной концепции о “Восточной Европе”

Между прочим, преобразования затронули не только темы проектов в рамках восточноевропейских исследований, но и определение изучаемого географического пространства. Общеизвестно, что “Восточная Европа” – не устойчивый географический термин, а конструкт, появившийся в дискурсе западных исследований (до 1945 г. – преимущественно немецких) [Schenk 2002, p. 499ff.; Schultz 2013; Jahn 1990; Segert 2002, p. 11ff.; Segert 2015; Schenk 2006; Lentz, Schmid 2005]. Это детище концептуальной классификации не имеет ничего общего с тем, как общества этого региона понимают себя. Это извне приписываемый дескриптор, который западные исследователи используют для определения своей предметной области и постоянно переопределяют. Для определения этого региона использовались различные критерии, которые могут быть применены только частично, такие, например, как язык (принадлежащий к группе славянских языков)⁶ или религия (православие)⁷, хотя в конечном счете ключевую роль всегда играла система государств в историческом пространстве.

Такой взгляд извне вновь и вновь переопределял регион Восточной Европы. В 1982 г. Х. Лемберг заметил: западные авторы XVIII в. полагали, что Россия – ключевая страна “Восточной Европы”, как мы сегодня понимаем, – расположена на Севере. Только в XIX столетии Россия переместилась с Севера на Восток [Lemberg 1985, pp. 82ff., 92f.]. Это перемещение превратило Россию из европейской державы в “полуазиатскую” [Schultz 2013, p. 241]. Перцептивный сдвиг соответствовал экспансии Российской империи в Центральную Азию и Сибирь. Накануне Первой мировой войны в Германской империи сформировалось довольно прагматичное понимание Восточной Европы: она совпадала с территорией Российской империи, которая включала тогда часть Польши и Финляндию, но и простиралась далеко в Азию. Юго-Восточная Европа ассоциировалась с Империей Габсбургов и европейской частью Османской империи.

Распад многонациональных империй после 1918 г. потребовал очередного переопределения “Восточной Европы”. Оно должно было, безусловно, включать Советский Союз как наследника царской империи, но и быть более широким, охватывая вновь образовавшиеся государства – Польшу, Чехословакию и балтийские республики. С тех пор эти страны тоже стали предметом исследования в рассматриваемой области. С окончанием Второй мировой войны, заключением Ялтинского и Потсдамского соглашений и созданием зоны советского влияния, “социалистического лагеря”, этот регион и был опреде-

⁶ Этот критерий неприменим в случаях балтийских народов, как и многих национальностей в Российской империи, Российской Федерации и Советском Союзе.

⁷ Критерий, неприменимый в отношении большинства поляков, чехов, словаков и многих этнических групп в Российской империи и Советском Союзе.

лен как предмет восточноевропейских исследований. Для англоязычных *East European Studies* Восточная Европа с тех пор включала ГДР и другие страны, то есть *Eastern Europe* дошла до Эльбы. Для западногерманских исследователей это было неприемлемо, и в Западной Германии, наряду с восточноевропейскими исследованиями, ГДР стала отдельной областью изучения. Тематика Федерального Института восточноевропейских и международных исследований включала ГДР, Китай, Вьетнам и Кубу, а также – “мировое коммунистическое движение”. Здесь идеологический и геополитический контекст возобладали над традиционными, географически ориентированными подходами.

Распад “социалистического лагеря” сделал необходимым новое определение “Восточной Европы”. Государственная идеология, экономическая система и однопартийное правление уже не могли служить критериями для определения этого региона. Переориентация на Запад бывших социалистических стран (Польшы и Чехии) и распад Советского Союза на 15 новых государств, каждое из которых выработало собственную идентичность, сделало невозможным восприятие их как частей однородного региона “Восточная Европа”. И все же эти общества были сформированы общей послевоенной историей и опытом “государственного социализма”, поэтому многие исследователи хотели понять, уместны ли для объяснения процессов в бывших “социалистических” странах такие понятия, как постсоциализм и посткоммунизм [Hann 2002, pp. 11–49; Segert 2002; King 2000].

При всей важности этого подхода для анализа долговременных социальных процессов в регионе, было очевидно, что даже исследователи, придерживающиеся такой точки зрения, едва ли могут определить Восточную Европу как однородный регион. Поэтому изучение современной Восточной Европы все больше сосредоточивается на отдельных странах, в идеале – с целью включить появляющиеся результаты в межрегиональные компаративные исследования. В других исследовательских областях, таких как славянская филология или история, сохранялась возможность определять их сферу на базе своей дисциплины и предмета [Troebst 2013].

От восточноевропейских исследований – к исследованиям переходного периода

Потрясения в Восточной Европе – распад государств, движения за независимость советских республик, переход от централизованно-плановой экономики к рыночной и попытки запустить демократические процессы – бросили новые вызовы ученым. К этим вызовам исследователи были теоретически и методологически не готовы, по той простой причине, что раньше они никогда не занимались процессами демократизации или рыночными механизмами.

Политики и общественность проявляли большой интерес к процессам, определявшим радикальные изменения в бывшем “Восточном блоке”. Консультации по событиям в Восточной Европе пользовались большим спросом, поскольку политики и руководители верхнего звена на Западе надеялись участвовать в моделировании этих процессов. Специалисты по Восточной Европе в традиционном понимании вряд ли могли помочь, поскольку их знания и методы не соответствовали новым обстоятельствам. Брешь заполняли экономисты, обществоведы и правоведы, которые, хотя часто и не обладали знанием языков или стран, но отлично разбирались в процессах демократизации, построении рыночных структур, конституционном праве или, к примеру, акционерном праве. К. фон Байме справедливо полагал, что восточноевропейские исследования утратили монополию на истолкование политических процессов в этом регионе. Он также справедливо отметил растущее влияние количественных исследований, которые «без детального знания языков и стран словно прочесывают страны, “перемалывая цифры”» [Beume 1994^a, p. 35ff.].

На этом этапе произошла широкая методологическая перестройка [Beume 1999; Kappeler 1998]. Исследования демократии и использование рыночно-либеральных под-

ходов доминировали в области социальных и экономических наук в 1990-х гг. и влияли на изучение событий в Восточной Европе. В социальных науках ученые привлекали результаты исследований по преобразованию политических систем в Южной Европе и Латинской Америке и развивали подходы на основании транзитологических методов, сформированных в этих контекстах [Bendel, Croissant, Rüb 2002; Beyme 1994^a; Beyme 1994^b; Beyme, Offe 1996; Bos, Segert 2008; Elster, Offe, Preuss 1998; Merkel 1994; Merkel, Sandschneider, Segert 1995; Merkel, Sandschneider 1997; Merkel, Sandschneider 1999; Merkel, Puhle, Croissant, Eicher, Thierry 2003; Wiesenthal 2001; Wollmann, Wiesenthal, Bönker 1995]. Трансформация стала предметом широкого обсуждения и в экономических науках, поскольку экономисты непосредственно сталкивались с требованием разработать подходы к организации перехода от плановой экономики к рыночной [Bohnet, Ohly 1992; Clapham 1991; Fish 1998; Furubotn, Richter 1991; Götz 1998; Kloten 1991; North, Wallis, Weingast 2009; Schüller 1990; Siehl 1998; Wagener 1997; Zweynert 2006].

Специалисты в области традиционных восточноевропейских исследований не играли важной роли в обсуждении проблем трансформации. Ведь все, в чем они были компетентны, в последнее время стало неактуальным. Знания языков и стран было недостаточно, и для плодотворного участия в дискуссии им пришлось бы овладеть знаниями о процессах демократизации, о низовых социальных процессах и требованиях рынка.

Весьма обнадеживал тот факт, что на данном этапе глубинных сдвигов рождалось новое поколение молодых исследователей, которые – поскольку они обучались социальным и экономическим наукам – начинали интересоваться процессами преобразования, исходя из собственного опыта. Они учили языки, посещали страны и в ряде случаев проводили там довольно длительное время по научной линии или по линии альтернативной гражданской службы⁸. Новое поколение пришло в восточноевропейские исследования с навыками и опытом, которые в корне отличали его от исследователей, работавших в этой области раньше. Чаще всего новое поколение не применяло традиционные подходы и установки, сформировавшиеся в годы конфронтации между Востоком и Западом. Получив образование в области политической экономии, политологии, социологии, географии и т.д., они использовали свои практические и методологические знания в региональных исследованиях. Таким образом, неминуемая смена поколений изменяла и лицо этой исследовательской области.

С конца 1995 г. дискурс нового поколения исследователей выстраивался в рамках конференций JOE (молодых ученых в области восточноевропейских исследований). Идея таких конференций возникла в Варшаве в августе 1995 г. на Всемирном съезде Международного совета по исследованиям в области Центральной и Восточной Европы⁹. Аспиранты из Германии, представившие доклады, были столь многочисленны, что группа из Федерального института восточноевропейских и международных исследований, представлявшая в Варшаве свой проект¹⁰, решила организовать конференцию для немецкоговорящих молодых исследователей, изучающих современные процессы в странах бывшего “социалистического лаге-

⁸ В ФРГ существовала возможность прохождения альтернативной гражданской службы за рубежом, в том числе в Советском Союзе / Российской Федерации.

⁹ ICCEES (International Council for Central and East European Studies) раз в пять лет проводит всемирный съезд.

¹⁰ Упомянутый проект, поддерживаемый Немецким научно-исследовательским сообществом (DFG) – “Общественные и экономические условия для концепций по безопасности в Советском Союзе, 1976–1987 гг.” (Gesellschaftliche und ökonomische Bedingungen sicherheitspolitischer Konzeptionen in der Sowjetunion 1976 1987 – SOWSK), в котором, помимо автора этой статьи, участвовали Н. Мёгель и З. Шваниц. Они стали инициаторами молодежных научных конференций; команда последующих проектов “GUS und europäische Sicherheit” (GUSS) (CHG и Безопасность в Европе) и “Wirtschafteliten in Rußland” (Бизнес-элиты в России) (1994–1996 и 1996–2000 гг.; оба финансировались Фондом Фольксвагена), Й. Грэвингхолт, Ш. Хартер и Х. Плайнес продолжили эту работу. Позднее к организации конференций подключились и другие ученые, особенно З. Фишер, которая в то время была сотрудницей Гессенского фонда исследований мира и конфликтов (HSFK) во Франкфурте-на-Майне.

ря”. *Ostkolleg*¹¹ (“Восточная коллегия”) Федерального центра гражданского образования согласилась финансировать такую конференцию, если организаторы соберут не менее 20 участников. На деле зарегистрировались более 100 аспирантов, поэтому можно было организовать две последовательные конференции. Хотя, безусловно, эти конференции стали форумами для научного обмена, они имели и другую цель: создать сеть молодых исследователей Восточной Европы. Начиная с третьей конференции Германская ассоциация по исследованиям Восточной Европы (DGO) тоже стала их поддерживать. Благодаря исполнительному директору Ассоциации Т. Бремеру и его последовательнице на этом посту Х. Дюрренбахер с их энтузиазмом, организационной поддержкой и усилиями по поискам грантового финансирования серия конференций продолжилась. Так, 27-я конференция¹² прошла в 2019 г. Автор этой статьи не станет скрывать, что в 1995 г. на первых двух конференциях он задумался о преклонном возрасте многих ученых из Федерального института (BIOst) и университетов, о том, что желательно было бы привлечь на работу в эти учреждения новое поколение исследователей. Впрочем, закрытие BIOst и перепрофилирование многих кафедр привело к тому, что большинство из них покинуло область восточноевропейских исследований. Их вклад в перестройку этой области остался незавершенным.

Более открытый дискурс о Восточной Европе оказал воздействие и на общественные дискуссии. Споры в социальных и экономических науках и дискурс по демократизации в 1990-х гг. навели частный Фонд Бертельсманна (Bertelsmann Stiftung) на мысль о целесообразности проследить, проанализировать и сравнить процессы преобразования. Многолетний исследовательский проект – Индекс трансформации Бертельсманна (Bertelsmann Transformations Index – BTI)¹³ – выработал концепцию измерения прогресса преобразований в Восточной Европе и ряде стран Африки, Азии и Латинской Америки. Особенностью проекта было конструктивное сотрудничество в нем социологов, экономистов и специалистов по региональным исследованиям. Полученные данные публиковались в форме рейтингов (впервые – в 2003 г., начиная с 2006 г. – каждые два года) и с интересом встречались общественностью.

Еще одно обстоятельство, устойчиво влиявшее на восточноевропейские исследования в Германии, – возросшее взаимодействие с учеными из стран Восточной Европы. Влияние местных общественных наук стало ощущаться в Европе и США [Oswald, Possekel, Stykow, Wielgohls 1996; Oswald, Possekel, Stykow, Wielgohls 1997]. Благодаря публикациям, научным визитам и конференциям восточноевропейские ученые, например В. Гельман и А. Яковлев, содействовали развитию немецкого дискурса. Научный дискурс в странах Восточной Европы стал набирать силу, и выяснилось, что, в отличие от ситуации до 1989 г., исследователи из этих стран вполне могли перехватить инициативу в анализе обществ, национальных экономик и политических систем региона. В этом контексте надо упомянуть, что все большую роль в Германии, Европе и США играли молодые исследователи, имевшие биографические связи с исследуемыми странами. Это можно было наблюдать, например, на конференциях молодых ученых, среди участников которых росла доля аспирантов восточноевропейского происхождения. Это отразилось и на составе сотрудников университетов. Так, А. Леденева в Великобритании и А. Либман в Германии – значимые с научной точки зрения представители этого тренда.

¹¹ *Ostkolleg* (Восточная коллегия) была основана в 1957 г. как институт повышения квалификации и распространения знаний о “Восточном блоке”, в котором, например, школьные учителя могли пройти интенсивные курсы, посвященные региону. В 1995 г. ее деятельность сосредоточилась на процессах преобразования и сотрудничестве с новыми независимыми государствами. Со стороны Восточной коллегии поддержкой конференций занималась М. Хеннигсен.

¹² На сайте Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете есть список всех конференций JOE (<https://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/de/5/20111124092649/JOE-Tagungen.html>).

¹³ См. описание проекта, полученные данные и отчеты по отдельным странам за 2003–2018 гг. (<https://www.bti-project.org/de/startseite/>).

Возвращение Восточной Европы в региональные исследования

Во второй половине 1990-х гг. стало очевидно, что процесс преобразования во многих странах не проходил без перебоев, переход от плановой экономики к рыночной вызвал масштабные социальные катаклизмы, а демократизация застопорилась. Исследователи переходного периода смогли констатировать происходящее, но им не доставало конкретных знаний о странах, чтобы проанализировать причины этих процессов.

Исследования переходного периода смогли лишь классифицировать режимы, выделив гибридные формы, дефектные демократии и системы, находящиеся в “серой зоне” между демократией и диктатурой. Классификация соответствовала действительности, но не способствовала установлению причин. В 1998 г. Дж. Хеллмэн, работавший в Европейском банке реконструкции и развития, отметил: социальные потрясения, вызванные переходом от плановой экономики к рыночной и связанной с этим приватизацией, создали новый высший класс – “олигархов”. Во второй половине 1990-х гг. “олигархи” пытались блокировать реформы по установлению демократии и справедливых рыночных условий в странах переходной экономики [Hellman 1998; Hellman, Jones, Kaufmann 2000]. Хеллмэн установил, что процессы преобразования шли не так, как предполагалось в теории. Для многих специалистов по Восточной Европе этот поворотный пункт в дискуссии означал, что знание языка и знакомство с обществом и его историей не являются излишними. В англоязычной науке, в частности “транзитология” подверглась суровой критике [Cohen 1999; Bunce 2004; Bunce, Wolchik 2009; Bunce 1995^a; Bunce 1995^b; Bönker, Müller, Pickel 2002]. И хотя анализ изменений в “Восточном блоке” превышал аналитические возможности традиционной области восточноевропейских исследований, ее представители были компетентны в отношении социальных и культурных структур, которые сложились в ходе истории, а эти структуры продолжали влиять на процессы даже после краха советской системы. Поэтому было ошибкой игнорировать советское прошлое, как это сделали многие исследователи переходного периода. Были возможны и другие подходы, как показал Ю. Левада – известный советский и российский социолог – в книге “Советский человек” [Lewada 1993]. Опираясь на данные репрезентативных опросов, он показал, как прошлое влияет на будущее, как советская система формировала институты и ментальности и как это наследие деформировало процессы преобразования. Эта работа была прочитана и усвоена в Германии и других западных странах. Ученые стали понимать, что исторически сформировавшиеся структуры серьезно влияют на происходящие процессы и что знание о них должно учитываться в анализе.

Региональные исследования, безусловно, могут воспринимать выводы теорий и сравнительных количественных исследований, принадлежащих к политологии, и должны принимать их. Однако сами по себе, в отрыве от знаний о конкретном регионе, они не могут объяснять идущие там социальные, политические и экономические процессы. К сожалению, политология пока не готова переосмыслить свои концепции переходного периода: критический анализ преобразований в свете последующих процессов был совершенно недостаточным. Сегодня можно видеть, что многие предположения были ошибочными, процессы – не предсказанными, а советы – бесполезными¹⁴.

В этом контексте восточноевропейские исследования, обновившись и изменившись, снова начали играть более значительную роль. Поначалу эта область исследований понимала себя как *Landeskunde*. Позднее, в 1920–1930-х гг. и особенно после 1945 г., она превратилась в специфическую, во многих отношениях уникальную сферу, политически и идеологически сформированную конфликтом между Востоком и Западом. В ее рам-

¹⁴ Единственное исключение здесь – Д. Зегерт, который активно занимался этим вопросом (см., например, [Segert 2011]).

ках исследователи интересовались преимущественно политической, экономической, социальной и идеологической сторонами советской системы и претендовали на их “монопольную интерпретацию” [Beume 1994^a, p. 37]. Потом, с распадом “Восточного блока”, эта область должна была переориентироваться, ее традиционные подходы устарели, и она переопределила себя как региональные исследования. Область *Regionalforschung* (или *Regionalstudien*, англ. *area studies*) занимается политикой, экономической системой, обществом, культурой и историей конкретного региона мира. Она всегда занимается “единичным случаем”, то есть регионом. Она исследует этот регион не с точки зрения некой индивидуальной дисциплины, а скорее путем объединения перспектив и методов ряда дисциплин (изучающих право, историю, социологию, экономику, географию, демографию, политику и т. д.). Тем самым она испытывает возможности отдельных теоретических подходов, относящихся к конкретным дисциплинам. Но она использует и мультидисциплинарный подход, чтобы выявить происходящие в регионе процессы и объяснить их.

Поскольку рассмотрение проблем в рамках региональных исследований включает анализ конкретных вопросов, характерных для данного конкретного случая, оно ненамеренно порождает объяснения, которые могут отвечать потребностям политиков, принимающих решения. Однако существует и определенное трение между областью региональных исследований и академическими дисциплинами: первая использует их методологические и теоретические инструменты, но и служит для них полигоном, где их теоремы верифицируются применительно к исследуемому региону [Streit der Fakultäten 2013]. Практически полезные выводы могут быть получены благодаря внимательному мультидисциплинарному изучению региона, однако академические карьеры развиваются в рамках дисциплин: противоречия, которые порождает эта ситуация для продолжающегося развития восточноевропейских исследований как области региональных исследований, будет нелегко преодолеть.

Перспективы восточноевропейских исследований

К концу 1990-х гг. общественный интерес к Восточной Европе начал исчезать в Германии. Специалисты по переходному периоду обратились к другим регионам. Финансирование восточноевропейских исследований было урезано, поскольку уже не было угрозы со стороны “Восточного блока”. В этих обстоятельствах область восточноевропейских исследований не могла обновиться в той степени, в которой это требовалось. Здесь снова обнаружилась зависимость региональных исследований от политических тенденций. Развитие этой области затормозилось. Вплоть до 2011–2012 гг., когда протестное движение в Москве вызвало новый позитивный интерес к России, изучение постсоветских обществ оставалось малопривлекательным. Авторитарные процессы в российской политике с 2012–2013 гг., затем аннексия Крыма весной 2014 г. и насильственное присутствие России в Восточной Украине породили новую ситуацию: Россия вновь стала восприниматься как угроза. Это способствовало, прошу простить за цинизм, увеличению финансирования восточноевропейских исследований.

Политики, средства массовой информации и общество в целом нуждаются в достоверной информации. Но они также нуждаются в критическом дискурсе, который подвергает расхожие мнения тщательному исследованию. Политические и социальные процессы в Восточной и Центральной Европе и на постсоветском пространстве не могут быть безразличны для немецких политиков и общества. Однако для оценки этих процессов необходима компетентность. Региональные исследования производят необходимые знания. Эта область должна также делать полученные ею знания доступными для политической сферы и общества в целом. В этом смысле данная область несет сегодня и определенную ответственность. Но она также вносит вклад в дальнейшее развитие социальных наук,

проверяя их методы и предоставляя в их распоряжение аналитические выводы региональных исследований. А это позволяет общественно-научным дисциплинам использовать их для оценки и совершенствования своих методов.

REFERENCES

- Anweiler O. (1980) Aspekte und Probleme der Osteuropaforschung seit 1945. *Osteuropa*, vol. 30, pp. 672–687.
- Arendt H. (1991) *Elemente und Ursprünge totalitärer Herrschaft*. München; Zürich: R. Piper & Co. Verlag.
- Aslund A. (1989) *Gorbachev's Struggle for Economic Reform. The Soviet Reform Process, 1985–1988*. Ithaca, New York: Cornell Univ. Press.
- Bacon E. (2012) Writing Russia's Future: Paradigms, Drivers, and Scenarios. *Europe-Asia Studies*, vol. 64, no. 7, pp. 1165–1189.
- Balzer H.D. (ed.) (1991) *Five Years That Shook the World: Gorbachev's Unfinished Revolution*. Boulder, Col.: Westview Press.
- Beichelt T., Barnickel C. (2011) Netzwerke, Cluster, Einzelkämpfer. Universitäre Osteuropaforschung in Deutschland. *Osteuropa*, vol. 61 (7), pp. 25–44.
- Bendel P., Croissant A., Rüb F.W. (ed.) (2002) *Zwischen Demokratie und Diktatur*. Opladen: Leske+Budrich.
- Berman H.J. (1963) *Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Beyme K. v. (1999) Osteuropaforschung nach dem Systemwechsel. Der Paradigmawandel der Transitologie. *Osteuropa*, vol. 49 (3), pp. 285–304.
- Beyme K. v. (1989) *Reformpolitik und sozialer Wandel in der Sowjetunion (1970–1988)*. Baden-Baden: Nomos.
- Beyme K. v. (2001) *Russland zwischen Anarchie und Autokratie*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Beyme K. v. (1994^a) *Systemwechsel in Osteuropa*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag.
- Beyme K. v. (1994^b) Transformationstheorie – ein neuer interdisziplinärer Forschungszweig? *Geschichte und Gesellschaft*, vol. 20 (1), pp. 99–118.
- Beyme K. v., Offe C. (eds.) (1996) *Politische Theorien in der Ära der Transformation*. Köln; Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Boettcher E., Lieber H.-J., Meissner B. (eds.) (1966) *Bilanz der Ära Chruschtschow*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Bohnet A., Ohly C. (1992) Zum gegenwärtigen Stand der Transformationstheorie – Eine Literaturstudie. *Zeitschrift für Wirtschaftspolitik*, vol. 41 (1), pp. 27–49.
- Bönker F., Müller K., Pickel A. (eds.) (2002) *Postcommunist Transformation and the Social Sciences*. Lanham, Md: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Bos E., Segert D. (eds.) (2008) *Osteuropäische Demokratien als Trendsetter?* Leverkusen; Opladen: Verlag Barbara Budrich.
- Brahm H. (2005) Drehscheibe der Osteuropaforschung. Das Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. *Osteuropa*, vol. 55 (12), pp. 163–175.
- Brunner G., Schweisfurth T., Uschakow A. et al (eds.) (1985) *Sowjetsystem und Ostrecht*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Buchholz A. (1980) Koordination und Ressortbezug in der bundesgeförderten Osteuropaforschung. *Osteuropa*, vol. 30, pp. 688–704.
- Bunce V. (2004) Comparative Democratization. Lessons from Russia and the Post-communist World. *After the Collapse of Communism. Comparative Lessons of Transition*. M. McFaul, K. Stoner-Weiss (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 207–231.
- Bunce V. (1995^a) Paper Curtains and Paper Tigers. *The Slavic Review*, vol. 54 (4), pp. 979–987.
- Bunce V. (1995^b) Should Transitologists Be Grounded? *The Slavic Review*, vol. 54 (1), pp. 111–127.
- Bunce V., Wolchik S. (2009) Getting Real About “Real Causes”. Debating the Color Revolutions. *Journal of Democracy*, vol. 20 (1), pp. 69–73.

- Burkert M. (2000) *Die Ostwissenschaften im Dritten Reich*. Teil 1: (1933–1939). Berlin; Wiesbaden: Harrassowitz.
- Burleigh M. (1988) *Germany Turns Eastwards. A Study of Ostforschung in the Third Reich*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Camphausen G. (1990) *Die wissenschaftliche historische Rußlandforschung im Dritten Reich 1933–1945*. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris: Peter Lang.
- Chickering R. (2005) Nachklänge. Der Ort der Osteuropäischen Geschichte in der deutschen Geschichtswissenschaft um 1900. D. Dahlmann (ed.). *Hundert Jahre Osteuropäische Geschichte*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, S. 11–19.
- Clapham R., Grote G. (1991) *Zu den Anforderungen an eine Theorie der Transformation von Wirtschaftssystemen*. Siegen: Siegen.
- Cohen S. F. (1999) Russian Studies Without Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol. 15 (1), pp. 37–55.
- Conert H. (1990) *Die Ökonomie des unmöglichen Sozialismus*. Münster: Verlag Westfälisches Dampfboot.
- Cox M. (2008) *1989 and why we got it wrong. Working Paper Series of the Research Network 1989*. Working Paper 1/2008 (https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/1628/ssoar-2008-cox-1989_and_why_we_got_it_wrong.pdf, 28 January 2019).
- Dahlmann D. (ed.) (2005) *Hundert Jahre osteuropäische Geschichte*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Dahm H. (1982) *Der gescheiterte Ausbruch: Entideologisierung u. ideolog. Gegenreformation in Osteuropa (1960–1980)*. Baden-Baden: Nomos.
- Dahm H. (1963) *Die Dialektik im Wandel der Sowjetphilosophie*. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik.
- Dahm H., Blakeley J.E., Kline G.L. (1987) *Philosophical Sovietology: The Pursuit of a Science*. Berlin: Springer Nederland.
- Eicke E. v. (1980) Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. *Osteuropa*, vol. 30, pp. 925–940.
- Eisenstadt S.N. (1998) *Die Antinomien der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag.
- Eisenstadt S.N. (1973) *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. Beverly Hills; London: Sage Publications.
- Elster J., Offe C., Preuss U.K. (1998) *Institutional Design in Post-communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge Univ. Press.
- Fainsod M. (1963) *How Russia is Ruled*. Cambridge, Mass: Harvard univ. press.
- Feldbrugge F.J.M. (ed.) (1973) *Encyclopedia of Soviet Law*. 2 vols. Leiden: A.W. Sijthoff / Dobbs Ferry: Oceana Publications.
- Fish M.S. (1998) The Determinants of Economic Reform in the Post-Communist World. *East European Politics and Societies*, vol. 12 (1), pp. 31–78.
- Fitzpatrick S. (1986^a) Afterword: Revisionism Revisited. *The Russian Review*, vol. 45, pp. 409–413.
- Fitzpatrick S. (1986^b) New Perspectives on Stalinism. *The Russian Review*, vol. 45, pp. 357–373.
- Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. (1965) *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York; Toronto: The Free Press A Division of Macmillan, Inc.; Maxwell Macmillan Canada.
- Fukuyama F. (1989) The End of History? *The National Interest*, no. 16, pp. 3–18.
- Furubotn E., Richter R. (eds.) (1991) *The New Institutional Economics*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Gadžiev K.S. (1992) Totalitarizm kak fenomen XX veka [Totalitarianism as a Phenomenon of 20th Century]. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 3–25.
- Geyer D. (2001) Ostforschung im Dritten Reich. Bemerkungen zu einem “Persilschein” in Langfassung. *Osteuropa*, vol. 51 (6), S. 733–739.
- Geyer D. (1999) *Reußenkrone, Hakenkreuz und Roter Stern. Ein autobiographischer Bericht*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Götz R. (1998) Wirtschaftsentwicklung von Transformationsökonomien im Lichte des neoklassischen makroökonomischen Modells. *Osteuropa Wirtschaft*, vol. 43 (2), S. 124–143.
- Haar I. (1999) *Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus. Die deutschen Historiker und der "Volkstumskampf" im Osten*. Halle: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Hann C., Humphrey C., Verdery K. (2002) Der Postsozialismus als Gegenstand ethnologischer

- Untersuchung. C. Hann (ed.). *Postsozialismus. Transformationsprozesse in Europa und Asien aus ethnologischer Perspektive*. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, S. 11–49.
- Hellman J. S. (1998) *Winners Take All. The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions*. *World Politics*, vol. 50, pp. 203–234.
- Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. (2000) “Seize the State, Seize the Day”. *State Capture, Corruption, and Influence in Transition*. Washington, D. C.
- Hewett E.A. (1988) *Reforming the Soviet Economy. Equality versus Efficiency*. Washington, D.C.: The Brookings Institution.
- Höhmman H.-H., Nove A., Vogel H. (eds.) (1986) *Economics and Politics in the USSR*. Boulder, Col.; London: Westview Press.
- Hough J.F. (1997) *Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991*. Washington, D.C.: Brookings.
- Hough J. F. (1988) *Opening Up the Soviet Economy*. Washington D.C.: The Brookings Institution.
- Hough J.F., Fainsod M. (1979) *How the Soviet Union is Governed*. Cambridge, Mass.; London: Harvard Univ. Press.
- Igrickij J.I. (1990) Konceptiya totalitarizma: uroki mnogoletnykh diskussii na Zapade [The Concept of Totalitarianism: Lessons from Many Years of Discussion in the West]. *Istoriya SSSR*, no. 6, pp. 172–190.
- Igrickij J.I. (1993^a) Snova o totalitarizme [Again about Totalitarianism]. *Otečestvennaya istoriya*, no. 1, pp. 3–17.
- Igrickij J.I. (1993^b) *Totalitarizm: Lekarstvo ot demokratii?* [Totalitarianism: A Cure from Democracy?] Moscow: INION.
- Jahn E. (1990) Wo befindet sich Osteuropa?. *Osteuropa*, vol. 40(5), pp. 418–440.
- Juviler P.H. (1976) *Revolutionary Law and Order*. New York, London: The Free Press, Collier Macmillan Publishers.
- Kappeler A. (1998) Das Universitätsfach Osteuropäische Geschichte nach dem Zusammenbruch des “Ostblocks”. *Österreichische Osthefte*, vol. 40 (3–4), S. 487–500.
- Kenez P. (1986) Stalinism as Humdrum Politics. *The Russian Review*, vol. 45, pp. 395–400.
- Kennan G.F. (1983) *Memoiren eines Diplomaten*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- King C. (2000) Post-Postcommunism: Transition, Comparison, and the End of “Eastern Europe”. *World Politics*, vol. 53 (1), pp. 143–172.
- Kleßmann C. (1986) Osteuropaforschung und Lebensraumpolitik im Dritten Reich. P. Lundgren (ed.) *Wissenschaft im Dritten Reich*. Frankfurt am Main, pp. 350–382.
- Kloten N. (1991) *Zur Transformation von Wirtschaftsordnungen*. Tübingen: J.C.B. Mohr.
- Kornai J. (1995) *Das sozialistische System*. Baden-Baden: Nomos.
- Kornai J. (1980) *Economics of Shortage*. 2 Bde. Amsterdam; New York; Oxford: North-Holland.
- Kuebart F. (1980) Zur Entwicklung der Osteuropaforschung in Deutschland bis 1945. *Osteuropa*, vol. 30 (8/9), S. 657–672.
- Lemberg H. (1985) Vom “Norden” zum “Osten” Europas. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge, vol. 33 (1), S. 48–91.
- Lentz S., Schmid S. (2005) Blauer Riese: Das Osteuropa-Raumbild 1951–1955. *Osteuropa*, vol. 55 (12), S. 133–138.
- Leonhard W. (1965) *Sowjetideologie heute 2. Die politischen Lehren*. Frankfurt am Main; Hamburg: Fischer Bücherei.
- Lewada Ju. (1993) *Die Sowjetmenschen 1989–1991. Soziogramm eines Zerfalls*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Markert W. (ed.) (1965) *Sowjetunion. Das Wirtschaftssystem*. Köln; Graz: Böhlau Verlag.
- Mayntz R. (2009) *Sozialwissenschaftliches Erklären. Probleme der Theoriebildung und Methodologie*. Frankfurt/New York: Campus Verlag.
- McCauley M. (ed.) (1990) *Gorbachev and Perestroika*. New York: St. Martin’s Press.
- Meder W. (1971) *Das Sowjetrecht*. Frankfurt am Main.
- Meissner B. (1988) *Die Sowjetunion im Umbruch*. Stuttgart: DVA.
- Meissner B. (ed.) (1966) *Sowjetgesellschaft im Wandel*. Stuttgart; Berlin: Kohlhammer.
- Meissner B. (1980) Entwicklung und Stand der deutschen Ostrechtsforschung und ihre Stellung in der internationalen Ostwissenschaft. B. Meissner, H. Roggemann, K. Westen (eds.). *Grundsatzfragen der Ostrechtsforschung*. München: Studien des Instituts für Ostrecht München, S. 7–38.

- Meissner B. (1985) *Sowjetgesellschaft am Scheideweg*. Köln: Markus Verlag.
- Meissner B. (1966) Wandlungen im Herrschaftssystem und Verfassungsrecht der Sowjetunion.
- E. Boettcher et al (eds.). *Bilanz der Ära Chruschtschow*. Stuttgart: Kohlhammer, S. 141–171.
- Meissner B., Brunner G., Löwenthal R. (eds.) (1978) *Einparteiensystem und bürokratische Herrschaft in der Sowjetunion*. Köln: Markus Verlag.
- Merkel W. (ed.) (1994) *Systemwechsel 1. Theorien, Ansätze und Konzeptionen*. Opladen: Leske + Budrich.
- Merkel W., Puhle H.-J., Croissant A., Eicher C., Thiery P. (2003) *Defekte Demokratie*. Band 1: *Theorie*. Opladen: Leske + Budrich.
- Merkel W., Sandschneider E., Segert D. (eds.) (1995) *Systemwechsel 2. Die Institutionalisierung der Demokratie*. Opladen: Leske + Budrich.
- Merkel W., Sandschneider E. (eds.) (1997) *Systemwechsel 3. Parteien im Transformationsprozeß*. Opladen: Leske + Budrich.
- Merkel W., Sandschneider E. (eds.) (1999) *Systemwechsel 4. Die Rolle von Verbänden im Transformationsprozeß*. Opladen: Leske + Budrich.
- Meyer A.G. (1986) Coming to Terms with the Past. And with One's Older Colleagues. *The Russian Review*, vol. 45, pp. 401–408.
- Meyer K. (1956) *Theodor Schiemann als politischer Publizist*. Frankfurt am Main: Hamburg.
- Mommsen M., Schröder H.-H. (eds.) (1987) *Gorbatschows Revolution von oben*. Berlin; Frankfurt am Main: Ullstein.
- Mühle E. (2001) Ostforschung und Nationalsozialismus. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, vol. 50 (2), S. 256–275.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press.
- Nove A. (1972) *An Economic History of the U. S. S. R*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Nove A. (1980) *Das sowjetische Wirtschaftssystem*. Baden-Baden: Nomos.
- Nove A. (1977) *The Soviet Economic System*. London.
- Oberländer E. (ed.) (1992) *Geschichte Osteuropas. Zur Entwicklung einer historischen Disziplin in Deutschland, Österreich und der Schweiz 1945–1990*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Oswald I., Possekkel R., Stykow P., Wielgohls J. (eds.) (1996) *Sozialwissenschaft in Rußland 1*. Berlin: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag.
- Oswald I., Possekkel R., Stykow P., Wielgohls J. (eds.) (1997) *Sozialwissenschaft in Rußland 2*. Berlin: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag.
- Philipp W. (1983) Nationalsozialismus und Ostwissenschaften. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, vol. 33, S. 286–302.
- Pivovarov Ju.S. (1993) Totalitarizm i političeskaya kul'tura Rossii [Totalitarianism and Political Culture of Russia]. Moscow: INION.
- Raškovskij E.B. (1993) Opyt totalitarnoy modernizacii Rossii (1917–1991) v svete sociologii razvitiya [Experience of Totalitarian Mobilization of Russia in the Light of Development Sociology]. *Mirovaya ekonomika i meždunarodnye otnošeniya*, no. 7, pp. 105–118.
- Raupach H. (1964) *Geschichte der Sowjetwirtschaft*. Hamburg: Reinbek.
- Rjabov A.V. (1993) Korporativizm i perspektivy razvitiya sovremennoy Rossii [Corporatism and Development Prospects of Modern Russia]. *Kentavr. Istoriko-politologičeskij žurnal*, no. 4, pp. 22–28.
- Rössler M. (1990) "Wissenschaft und Lebensraum". *Geographische Ostforschung im Nationalsozialismus*. Berlin: Reimer.
- Rutland P. (1998) 'Sovietology. Who Got It Right and Who Got It Wrong? And Why?'. M. Cox (ed.). *Rethinking the Soviet Collapse*. London: Pinter.
- Sacharov A.N. (1991) Revoljucionnyy totalitarizm v našej istorii [Revolutionary Totalitarianism in Our History]. *Kommunist*, no. 5, pp. 60–71.
- Sakwa R. (1990) *Gorbachev and his Reforms 1985–1990*. New York; London etc.: Philip Allan.
- Sapper M. (2012) Niedergang und Neuanfang. Die Krise der deutschen Russlandexpertise. *Osteuropa*, vol. 62 (6–8), pp. 505–520.
- Schapiro L. (1972) *Totalitarianism*. London: Macmillan.
- Schenk F.B. (2002) Mental Maps. Die Konstruktion von geographischen Räumen in Europa seit der Aufklärung. *Geschichte und Gesellschaft*, vol. 28 (3), S. 493–514.

- Schenk F.B. (2006) *Der spatial turn und die Osteuropäische Geschichte* (<https://www.europa.clio-online.de/essay/id/fdae-1374>).
- Schröder H.-H. (1996) Der “Stalinismus” – ein totalitäres System? Zur Erklärungskraft eines politischen Begriffs. *Osteuropa*, vol. 46 (2), S. 150–163.
- Schroeder F.C. (1992) *74 Jahre Sowjetrecht*. München: C.H. Beck.
- Schroeder F.C., Meissner B. (eds.) (1978) *Verfassungs- und Verwaltungsreformen in den sozialistischen Staaten*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schüller A. (ed.) (1990) *Zur Transformation von Wirtschaftssystemen. Von der sozialistischen Planwirtschaft zur sozialen Marktwirtschaft*. Marburg: Forschungsstelle zum Vergleich Wirtschaftlicher Lenkungssysteme.
- Schultz H.-D. (2013). Noch Europa oder schon „Halb-Asien“? Die deutsche Länderkunde und der europäische Osten. *Osteuropa*, vol. 63 (2–3), S. 237–255.
- Schulze W., Oexle O.G. (eds.) (1999) *Deutsche Historiker im Nationalsozialismus*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Segbers K. (1989) *Der sowjetische Systemwandel*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Segert D. (2011) Rückkehr des Krisenbewusstseins. A. Lorenz (ed.). *Ostdeutschland und die Sozialwissenschaften*. Opladen; Berlin: Verlag Barbara Budrich, pp. 354–371.
- Segert D. (2002) *Die Grenzen Osteuropas. 1918, 1945, 1989 – Drei Versuche im Westen anzukommen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- Segert D. (2015) Is There Really Something Like “Eastern Europe”? And If So, Why Do We Need Area Studies of It? *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, vol. 23(1), pp. 81–96.
- Seidel B., Jenkner S. (eds.) (1968) *Wege der Totalitarismusforschung*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Siehl E. (1998) *Privatisierung in Rußland. Institutioneller Wandel in ausgewählten Regionen*. Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag.
- Simon G., Simon N. (1993) *Verfall und Untergang des sowjetischen Imperiums*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Streeck W. (2010) Die Macht der Unschärfe. Max Planck Forschung. *Das Wissenschaftsmagazin der Max-Planck-Gesellschaft*, no. 3, S. 10–15 (https://www.mpg.de/782604/W001_Zur-Sache_010-015.pdf).
- Streit der Fakultäten (2013) Area Studies und Fachdisziplinen in der Globalisierung. *Osteuropa*, vol. 63 (2–3), pp. 81–102.
- Timmermann H. (ed.) (1978) *Eurokommunismus – Fakten, Analysen, Interviews*. Frankfurt am Main: Fischer.
- Troebst S. (2013) Sonderweg zur Geschichtsregion. Die Teildisziplin Osteuropäische Geschichte. *Osteuropa*, vol. 63(2–3), S. 55–80.
- Tucker R. C. (1972) *The Soviet Political Mind. Stalinism and Post-Stalin Change*. London: Frederick A. Praeger.
- Viola L. (1987) In Search of Young Revisionists. *The Russian Review*, vol. 46, pp. 428–431.
- Voigt G. (1994) *Rußland in der deutschen Geschichtsschreibung 1843–1945*. Berlin: Akademie Verlag.
- Wagener H.-J. (1997) Transformation als historisches Phänomen. *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*, no. 2, pp. 179–191.
- Wetter G.A. (1952) *Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion*. Freiburg: Herder.
- Wetter G.A. (1965) *Sowjetideologie heute I. Dialektischer und historischer Materialismus*. Frankfurt am Main; Hamburg: Fischer Bücherei.
- White S. (1990) *Gorbachev in Power*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Wiesenthal H. (ed.) (2001) *Gelegenheit und Entscheidung. Policies und Politics erfolgreicher Transformationssteuerung*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Wollmann H., Wiesenthal H., Bönker F. (eds.) (1995) *Transformation sozialistischer Gesellschaften: Am Ende des Anfangs*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Zweynert J. (2006) Economic ideas and institutional change. Evidence from soviet economic debates 1987–1991. *Europe-Asia Studies*, vol. 58(2), pp. 169–192.